

Жуковская Т. Н.

Александр Евгеньевич Пресняков и его университетские отношения

Александра Евгеньевича Преснякова (1870-1929) по праву называют одним из ярких представителей петербургской исторической школы периода ее расцвета¹. Собственно, именно он еще в 1918 г. наиболее емко и точно сформулировал методологические особенности этой школы², которые к тому времени вполне оформились, отличали ее от школы Московского университета, определяли научный подход самого А.Е. Преснякова и воспроизводились несколькими поколениями его учеников.

Задача историографической реконструкции научного пути Преснякова, его академических и внеакадемических отношений с университетскими сообществами Петербургского-Ленинградского университета, в которые он был включен, облегчена тем, что на протяжении своей карьеры, с первых дней студенчества, историк сам подробнейшим образом задокументировал эти отношения в письмах и дневниках³. Главное, в эпистолярном наследии Преснякова, состав-

¹ Научное наследие и научный облик А.Е. Преснякова освещены за последние полвека в немалом количестве фундаментальных работ, но до сих пор важные аспекты его творчества интерпретируются неоднозначно. Неоднозначны историографические характеристики его идейно-политических взглядов в дореволюционный период, оценки его зависимости от марксистской методологии в работах 1920-х гг., определения научных приоритетов в его творчестве, попытки оценить его организационное и педагогическое влияние на академические сообщества Ленинграда, которыми ему пришлось руководить в последнее десятилетие жизни. См. прежде всего: *Шапиро А.Л.* Русская историография периода империализма. Л., 1962. С. 87-98; *Свердлов М.Б.* А.Е. Пресняков (1870-1929). Жизнь и творчество // *Пресняков А.Е.* Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 506-554; *Свердлов М.Б.* Проблемы изучения Древней Руси в творчестве А.Е. Преснякова // *Княжое право...* С. 555-586; *Чирков С.В.* Александр Евгеньевич Пресняков // *Историки России XVIII - начало XX века.* Под ред. А.Н. Сахарова. М., 1996. С. 533-556; *Дворниченко А.Ю.* А.Е. Пресняков - исследователь Киевской Руси // *Исследования по истории средневековой Руси. К 80-летию Ю.Г. Алексеева.* М.; СПб., 2006. С. 35-46; *Брачев В.С.* А.Е. Пресняков и петербургская историческая школа. СПб., 2011. 239 с.; *Жуковская Т.Н.* А.Е. Пресняков – декабристовец // Третьи Мартовские чтения памяти С.Б. Окуня в Михайловском замке. Матер. науч. конф. СПб., 1997. С. 81-87; *Жуковская Т.Н.* А.Е. Пресняков и марксизм: опыт историографической демифологизации // *Россия в XIX – XX вв. Сб.ст. к 70-летию Р.Ш. Ганелина.* СПб., 1998. С. 28-40; *Жуковская Т.Н.* Смысл творчества и «жизненный мир»: случай А.Е. Преснякова // *Культура исторической памяти.* Матер. науч. конф. Петрозаводск, 2002. С. 132-162; *Цамутали А.Н., Жуковская Т.Н.* Александр Евгеньевич Пресняков и его наследие // *Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники (1889-1927).* СПб., 2005. С. 3-23; *Жуковская Т.Н.* Париж Александра Преснякова // *Клио. Журнал для ученых.* 2016. №8. С. 84-94.

² См.: *Пресняков А.Е.* Речь перед защитой диссертации под заглавием "Образование Велькорусского государства" // *ЛЗАК.* Пг., 1920. С. 6-7.

³ Эпистолярное и мемуарное наследие А.Е. Преснякова в значительной степени опубликовано: *Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники (1889-1927)* / Подг. тек-

ляющем более 7 тыс. листов архивного хранения, с редкой полнотой и откровенностью отразился он сам как ученый и как личность⁴.

Важная особенность петербургской исторической школы состояла в том, что она изначально объединяла университетских историков с теми, кто состоял в штате Петербургской Академии наук, системой организационных, кружковых, дружеских связей. Облик столичной исторической школы определяла слитность двух научных центров, когда академики преподавали в университете, а университетские профессора становились секретарями отделений, избирались членами-корреспондентами, действительными членами Академии наук, работали в совместных научных проектах. Для А.Е. Преснякова такой работой была многолетняя текстологическая и археографическая подготовка томов Полного собрания русских летописей.

Но все-таки главным объединительным стержнем петербургской исторической школы был университет, поскольку приобретение научных навыков, выбор проблематики исследований, усвоение культуры академического поведения происходило именно здесь, в годы студенчества и магистрантства. В случае с Пресняковым, долгое время связанным одновременно с университетом, с Академией наук, и еще с множеством научных и образовательных учреждений Петербурга-Ленинграда, опыт *университетских отношений* также был определяющим. Рассматривая путь историка с историко-антропологической точки зрения, как реализацию определенной жизненной стратегии, попытаемся разобраться в том, какие именно факторы стали определяющими в этой уникальной научной судьбе.

В 1870-1880-е гг., в условиях перехода от либерального университетского устава 1863 г. к уставу 1884 г., ограничившему университетскую автономию, оформились основные черты профессорской корпорации столичного университета, стиль ее взаимоотношений с властью и руководством Министерства народного просвещения⁵. Внутри университетской корпорации сообщество историков и филологов, несмотря на малочисленность студентов факультета, составляло более 30% от общего числа преподавателей. Основные курсы русской истории традиционно читались на всех факультетах. Поэтому коллегия историков и филологов претендовала на административное и общественное влияние. Не случайно с 1890 по 1919 г. половина ректоров, возглавлявших университет, принадлежали к историко-филологическому факультету (И.В. Помяловский, П.В. Никитин, Э.Д. Гримм, С.А. Жебелёв). В 1899 г. после отставки В.И. Сергеевича, обсуждалась возможность назначения ректором С.Ф. Платонова.

А.Е. Пресняков перевелся на историко-филологический факультет во втором семестре 1889/1890 учебного года (первый семестр по приезду в Петербург из

ста, коммент. Т.Н. Жуковской, Б.С. Кагановича, Д.Н. Лепина. СПб., 2005. 968 с.; Переписка А.Е. Преснякова с друзьями 1890-1899 / Подг. текста, вступ. ст., коммент. Т.Н. Жуковской // Мир историка: историографический сборник / Ред. В.П. Корзун, А.В. Якуб. Вып. 3. Омск, 2007. С. 376-438. См. также: *Пресняков А.Е.* Обзоры пережитого // Дела и дни. Кн. 1. Пг., 1920. С. 346-353; *Пресняков А.Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922.

⁴ *Фрумкина Р.* «Входите тесными вратами» // Сквозь асфальт: Эссе и статьи. М., 2012. С. 36-40.

⁵ *Ростовцев Е.А.* Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть. М., 2017. С. 143-205.

Тифлиса он провел на юридическом факультете, но понял что ошибся). Во второй половине 1880-х гг. на факультете сложилось сообщество историков-русистов, облик которого уже отличался от историков Московского университета. Славу факультета в это время составляли "русские" историки К.Н.Бестужев-Рюмин (годы преподавания 1865-1882), В.И. Семевский (1882-1886), Е.Е. Замысловский (1870-1888), С.Ф. Платонов (с 1888 г.), А.С. Лаппо-Данилевский (с 1890 г.), И.М. Гревс (с 1892 г.). В следующее десятилетие позиции приват-доцентов заняли ученики Платонова Н.Д. Чечулин, С.В. Рождественский, СМ. Середонин. Всеобщую историю представляли Н.И. Кареев, Г.В. Форстен, В.Г. Васильевский, который преподавал всю "среднюю историю" и стоял у истоков отечественного византиноведения. Историческое отделение факультета было одним из четырех, вместе с романско-германским, классическим и отделением славянской филологии.

Особое место русской истории в программе школьного и университетского обучения, а также в общественном дискурсе последних двух царствований обусловило востребованность этой специализации и усиление ее научной составляющей. Ведущие университетские профессора-русисты одновременно были и ведущими учеными-историками. Формировавшийся в течение 1830-1880-х гг. социальный заказ на "русскую историю"⁶ постепенно повысил общественный авторитет и университетской профессуры.

В стенах факультета происходило естественное рождение науки, на глазах студентов, поскольку профессор той или иной дисциплины оказывался главой научного направления, распространял свою точку зрения прежде всего на студенческую аудиторию, увлекал ее, апробировал методы совместной исследовательской работы с источниками. Так, ученик М.С. Куторги Ф.Ф. Соколов, впервые в отечественном антиковедении обратился к древнегреческой эпиграфике и сделал изучение греческих надписей предметом своих занятий со студентами. Учениками В.Г. Васильевского, сделавшего работу с источниками самостоятельной частью преподавания, считали себя не только его магистранты, но и все, кто занимался в его семинарии и получал индивидуальные консультации и внимание профессора. А.Е. Пресняков был в их числе. Не случайно И.М. Гревс назвал Васильевского не просто выдающимся ученым, но "учителем науки"⁷.

Многие преподаватели факультета выстраивали прямую связь читаемых курсов с собственными научными занятиями. С другой стороны характер читаемых курсов стимулировал научную деятельность в том или ином направлении. Так было с самим А.Е. Пресняковым, получившим с 1907 г. приват-доцентство и читавшим спецкурсы "Киевская Русь, Западная Русь и Литовско-Русское государство", "Северо-Восточная Русь и Московское государство" и открывшим собственный семинарий. Эти курсы легли в основу его диссертаций: магистерской "Княжое право в Древней Руси" (1909) и докторской "Образование Великорусского государства" (1918). Связь собственных научных занятий с читаемыми курсами создавала зримую научную динамику для слушателей и ценилась ими. Студенты того времени хотели не просто готового знания, а посвящения в то, что называется лабораторией ученого. Поколение А.С. Лаппо-Данилевского и Прес-

⁶ Корзун В.П. Профессор в Российской империи: изменение статусов и функций (историографический аспект) // Азиатская Россия: люди и структуры империи. Сб науч. трудов памяти А.В. Ремнева. Омск, 2016. С. 378-390.

⁷ Гревс И.М. Василий Григорьевич Васильевский как учитель науки. СПб., 1899.

някава, чье студенчество пришлось на 1880-1890-е гг., было, вероятно, первой генерацией взыскательных студентов, которые довольно быстро превзошли своих учителей методологически и содержательно. Студент Пресняков органично сближается с приват-доцентом А.С. Лаппо-Данилевским, главой "критического" направления, которое стремилось выработать универсальные критерии исследования, приложимые не только к историческому познанию, обновить аппарат познания. Особенность положения Лаппо-Данилевского в историографической традиции состояла в том, что он предложил методологию извлечения из источников "абсолютных доказательств" применительно к явлениям Новой истории России XVII-XVIII веков. С 1906 г. факультет поручил ему преподавание методологии истории. Однако, даже став академиком, внутри факультетской корпорации он остался фактически до конца жизни непризнанным авторитетом, не получившим должности профессора⁸. Одну из причин этого странного положения называет Пресняков: "А специфической жилки педагога в нем, по-видимому, вовсе не было", — признавал он. — "Сосредоточенный на углублении личных своих познаний и идейной их проработке, он был слишком несоизмерим с типом учителя-педагога, отдающегося интересам юного поколения"⁹.

Специфика корпоративных отношений внутри факультета вполне оформилась к рубежу 1880-1890-х гг.: устоялись техники преподавания и исследовательской работы со студентами в виде профессорских семинариев, система подготовки к профессуре через оставление на кафедре, традиции диссертационных диспутов и присвоения ученых степеней. Сложились группы интересов, разделенные не только предметными границами, но и личными конфликтами, соперничеством научных лидеров, окруженных преданными учениками. Скрытое, а иногда и открытое противостояние этих группировок отразил в своих письмах к матери наблюдательный А.Е. Пресняков.

Попыткой сближения группировок, "всех разнородных элементов нашего факультета" стал банкет по случаю защиты диссертации Г.В. Форстена ("Doktorschmaus") 20 марта 1894 г. Описывая это событие, Пресняков находится на стороне Форстена, который попытался примирить "русских" историков с "всеобщими" в лице Н.И. Кареева, претендующего на руководство факультетской наукой и ищущего популярности у студентов. Пресняков пишет: "Затянулось собрание надолго. Сперва разговаривали кружками. До смешного делились на партии. В зале сидел Кареев с 2-3 неуниверситетскими, в кабинете в одном углу Платонов с кружком "русских историков", а в другом Гревс со стариками. Лаппо-Данилевский держался больше студентов. Такое деление мне надоело и с помощью Форстена мы пытались перемешать публику, но безуспешно". За банкетным столом "сели по всем правилам местничества: с одного конца сидели кончающие студенты с Лаппо-Данилевским, потом старший Ламанский с Васильевским, потом посторонние университету, опять студенты, затем мы, кружок Платонова, с нами Форстен, рядом с нами пустой стул, и на противоположном конце Гревс с Кареевым". О причинах такого размежевания А.Е. Пресняков сообщает со слов С.Ф. Платонова, который "разъяснил мне, что кружки — его и Лаппо-Данилевского различаются двумя признаками: те — дворяне по воспитанию, с хорошим

⁸ См.: *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский в петербургской университетской корпорации... С. 29-43.

⁹ *Пресняков А.Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский... С. 21.

домашним воспитанием, с обширными научными средствами, демократы по убеждению и по теории, люди с политическими стремлениями, с определенным складом политических взглядов, в которые догматически верят и потому нетерпимы к чужим мнениям; они же, т. е. платоновцы, разночинцы, люди другого общества, другого воспитания, с меньшим запасом научных сил, очень разнообразные по убеждениям, только лично дружбой, а не каким-нибудь общим *specto* связанные между собой. По характеру ума они скептики, недовольные ныне господствующими порядками, не менее тех, они не видят средств бороться и переносят их, по внешности равнодушно, делая свое ученое и преподавательское дело и не пропагандируя своего недовольства, не требуя непременно согласия с собою и спокойно относясь к противоречиям и противоположным убеждениям, даже мало симпатичным. Они не сторонятся другого кружка, но тот игнорирует их; попытки сближения были и кончились обидой для них же"¹⁰.

Однако во время традиционных академических ритуалов, таких как банкет по случаю защиты, конфликты между "партиями" казались бы, сглаживаясь. Пресняков пишет: Когда дело дошло до шампанского, Васильевский сказал очень содержательную речь: определил научную физиономию Форстена, ученика Ранке, отметил успех его в докторской диссерт[ации], сравнительно с магистерской, поздравил его с тем, что он сразу выбрал широкую и важную тему,... которой хватит еще на много лет работы... Потом Васильевский заговорил о том глубоком нравственном влиянии, какое Форстен оказывает на учеников своих везде, где только преподает... Потом недурно сказал Кареев, предложив тост за дальнейшее совершенствование Форстена в будущих трудах. Форстен ответил тостом за факультет, который его создал и поддерживает. Это подхватил Платонов, который предложил чудный, искренний тост, который будет, должен иметь серьезные последствия — тост за выработку полной и тесной солидарности членов факультета"¹¹.

Факультет трудно было бы представить без студенческой научной самоорганизации. Научные кружки в университете, называвшиеся по разному, превращали его в подлинно "междисциплинарное" сообщество, "философия чередовалась с математикой и естествознанием, история и литература с правом и политической экономией"¹². Состав общеуниверситетского Научно-литературного общества (НЛО) доходил до 300 членов, не считая "почетных" из числа профессоров. Общество структурно повторяло университет, во главе его находился "научный отдел" или постоянная комиссия из 15-20 членов, разрабатывавшая годичный план занятий по отраслям знаний (то есть по факультетам). Вокруг интеллектуального "центра" скоро сложились более специализированные кружки, например, исторический кружок, разрабатывающий вопросы теории и методологии истории. Каждая "кафедра" НЛО имела секретаря из наиболее серьезных студентов или "оставленных при университете". Секретарем исторического отдела несколько лет был А.С.Лаппо-Данилевский¹³. НЛО было закрыто в связи с делом "второго 1-го марта", поскольку среди участников заговора был секретарь естественнонаучного отдела НЛО А.И. Ульянов. Но уже через год-два после

¹⁰ Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники... С. 132-134.

¹¹ Там же.

¹² Гревс И.М. В годы юности. За культуру // Былое. 1918. №12. С. 76.

¹³ Гревс И.М. В годы юности... С. 82; Пресняков А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С. 18.

его закрытия, по свидетельству И.М. Гревса, стихийно возникали новые научные кружки. По крайней мере, актив НЛО, однажды собравшись, постановил "считать его непрерывно существующим, сходиться и вместе работать, как сможем"¹⁴. В годы студенчества и позже Пресняков не раз выступал с докладами в историческом отделении НЛО.

Численность студентов историко-филологического факультета была в несколько раз меньшей, чем на физико-математическом и юридическом факультетах. По отчетам, во время учебы А.Е. Преснякова она колебалась в пределах 150 на всех курсах. Социальный состав студентов факультета был менее демократическим, чем на физико-математическом и даже юридическом факультете. Однако многие получали частные или государственные стипендии, которые ставили стипендиата в определённую зависимость. Гораздо свободнее было академическое и общественное поведение студентов, учившихся за счет родителей. А.Е. Пресняков получал существование от отца, видного железнодорожного чиновника V класса, служившего сначала на Закавказской, затем на Харьковской дистанции. Этим денег хватало, чтобы с I курса снимать отдельную просторную комнату, оплачивать учебу, посещение библиотеки, регулярно приобретать книги. Пресняков уже в студенческие годы начал собирать профессиональную историческую библиотеку, которая в начале 1930-х гг. была продана его наследниками Колумбийскому университету.

Соединение хороших материальных возможностей семьи, раннего и твердого выбора сферы приложения сил, незаурядных интеллектуальных способностей и качеств характера обусловили счастливое начало карьеры Преснякова в университете. В сентябре 1893 г., уже напечатав в "Записках Историко-филологического факультета" свою дипломную работу "Царственная книга, ее происхождение и состав", он по предложению С.Ф. Платонова был оставлен при университете. В определении тематики научных занятий он слушал авторитетов (начиная с К.Н. Бестужева-Рюмина), но долго не мог определиться, разрываясь между исследованием летописания и властно-правовых отношений в русском Средневековье. Он сообщает матери: "Я между 2-х огней. Платонов хочет, чтобы я писал что-нибудь более широкое и содержательное, а Бестужев, и это мне ближе, поддерживает мою мысль о широком изучении летописей"¹⁵. Предлагалась Преснякову для написания диссертации также тема по истории исторической науки, об историках-славянофилах.

По своему происхождению Пресняков принадлежал к сословной элите студенчества, из которой формировались так называемые "академисты". Но среди его однокашников было немало разночинцев и выходцев из духовного звания, живущих уроками, склонных относиться к науке или преподаванию как к служению, но в то же время зависимых от государственных стипендий и могущих открыться вакансий на учительские места. Те из историков или словесников, кто готов был и хотел заниматься наукой, в отличие от юристов или естественников, были гораздо целеустремленнее: они более ясно представляли себе будущее и область знаний, которой хотели посвятить жизнь. Правда, вожделенную свободу научных занятий, независимость от случайных преподавательских заработков не обеспечивало даже приват-доцентство. Но оно давало статус уни-

¹⁴ Гревс И.М. В годы юности... С. 86.

¹⁵ Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники... С. 100.

верситетского преподавателя и полноправное вхождение в круг университетских отношений. Между окончанием университета и обретением статуса приват-доцента ("младшего преподавателя"), притом не свободного от беготни по урокам ради заработка, проходило в среднем 7-8 лет¹⁶. Путь к профессорству для немногих избранных был еще дольше. Для А.Е. Преснякова с момента окончания университета до занятия должности приват-доцента в 1907 г. прошло 14 лет, и еще 11 лет потребовалось для написания и защиты докторской диссертации и получения позиции профессора.

В молодые годы он о профессуре и не помышлял. Будучи самокритичен, наблюдая градус внутрифакультетской конкуренции и реально оценивая свои шансы занять когда-либо позицию профессора как минимальные, он писал матери в октябре 1899 г.: "Я на это дело так смотрю: наука, умственные интересы и т.д. — это одно, а ученая карьера — другое, которая должна сама к первому приложиться, а гнуть первое под второе — дело нежелательное. Надо стать в самом деле ценной величиной, и тогда более широкий путь сам собою откроется. А иначе — не стоит. Неужели ты, мамочка, хотела бы видеть твоего Саню профессором, который пролез в это звание с трудами, написанными ради получения ученой степени, но посредственного достоинства? Я не хочу умножать числа quasi-ученых, написавших книгу и читающих лекции, хотя им — по совести — нечего сказать с кафедры»¹⁷. Выраженная таким образом скептическая позиция Преснякова не должна вводить нас в заблуждение по поводу его отношения к науке как к профессии, в котором обнаруживается и необходимая в науке во все времена высокая степень идеализма, самоотречения, и способность за ежедневными рутинными занятиями видеть конечную цель, и интуиция, и огромная работоспособность. Все это было в наличии. Однако наука и система отношений в ученой среде для него не одно и то же. Выбирая науку, Пресняков ощущал огромную ответственность, и часто сомневался в своих силах, даже не интеллектуальных, а нравственных: «Наука, что сцена; если быть тенором — так на первые роли, а петь лакеев да юнцов не стоит...»¹⁸.

Молодой Пресняков точно и довольно едко отзывался о корпоративных недостатках академической среды. Таков его эпистолярный отчет матери с IX Археологического съезда в Вильне. "Пребывание на археологическом съезде — самое нелепое времяпрепровождение, которое можно себе представить. Утром и вечером заседания, в промежутке обед, после — чаепитие и болтовня, писать некогда, да и трудно, потому что настроение раздробленное, сосредоточиться нет никакой возможности, читать немислимо, даже думать отвыкнешь. Толчея и толчея, суета сует. Приобретешь тут немного, кроме впечатлений от разных лиц, впечатлений любопытных, даже ценных, и впечатлений от ученой среды, грустных и неприятных. Ученое чинопочитание и ученое генеральство, закулисные счета и расчеты, — этим добром хоть пруд пруди. На съезде читают рефераты, то плохие, то так себе, а совсем хороших было 2–3"¹⁹.

Независимость как черта характера естественным образом переходит в независимость научного мышления и профессионального поведения. Уже в сту-

¹⁶ Ростовцев Е.А. Столичный университет... С. 162-163.

¹⁷ Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники... С. 305-306.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 106.

денческие годы Пресняков ясно различает достоинства и недостатки той науки, которую выбрал. Без пафоса он пишет о фактах научной повседневности: диспутах, рефератах, новых книгах своих коллег, без хвастовства или ложного кокетства — о своих достижениях. По его письмам 1890-х гг. можно убедиться в том, что в мотивировке его профессиональных действий и жизненных решений нет места тщеславию и карьеризму. В своем понимании науки как мира абсолютных ценностей Пресняков исходил из представлений, характерных для эпохи позитивизма. Он идеалист в той мере, в какой отдавал предпочтение бескорыстному отношению к науке, был готов к интеллектуальной самоотдаче и требовал того же от других. С другой стороны он не был готов к тому, чтобы наука совершенно вытеснила радость свободных занятий в иных областях творчества: журналистике и художественной критике; или поставила под угрозу полноту семейного счастья. О незавидном статусе и материальном положении начинающего ученого он изначально имел весьма реалистические представления. Одной из причин неизбежности «отложенной» научной карьеры Пресняков называет свое понимание целей науки и средств, приемлемых для достижения успеха. Не последнюю роль в медленной работе над первой диссертацией, неизбежно окончившейся сменой проблематики, сыграли семейные обстоятельства: ранняя женитьба, рождение детей, их болезни, смерть двух мальчиков. Желание создать и поддерживать счастливый семейный очаг в Преснякове было сильнее личного стремления к научному успеху. А жена, Юлия Петровна, эти приоритеты никогда не корректировала.

Не потому ли фактически на десятилетие откладывается его вхождение в факультетское сообщество? Ведь с изданием в 1893 г. его дипломной работы «Царственная книга, ее происхождение и состав», получившей университетскую медаль и комплементарные рецензии, сложились все условия для быстрой научной карьеры. Он был оставлен Платоновым на кафедре со стипендией в 200 руб. Однако для него самого в тот момент выбор еще не был ясен. Дело было не только в необходимости обеспечивать семью, что в дальнейшем толкнуло Преснякова на путь школьного преподавания, опасный расточением сил и утратой творческих ориентиров. Дело было и в его нежелании входить в науку без определенного положения в жизни, без опыта преподавания, который нельзя было получить в университете из-за отсутствия вакансий. Только через 8 лет, уже зрелым 30-летним человеком, сдав магистерские экзамены, А.Е. Пресняков принимает окончательное решение писать диссертацию, используя возможность несколько сократить преподавание благодаря выделенной от Академии наук стипендии. Но и вторая попытка написать диссертацию о летописных сводах не стала удачной, работа снова затянулась.

Корпоративные связи и неизбежные конфликты в научной биографии А.Е. Преснякова не играли определяющей роли как в силу его универсализма, широких интересов, так и в силу доброжелательного и тактичного характера. Как было показано выше, он был сторонником сближения "партий" и укрепления единства факультета.

Зато огромное значение в жизни и творчестве А.Е. Преснякова играла дружба. Если мир «официальной» науки с его формальными связями, борьбой «партий», иерархией отношений обнаруживал для него немало скрытых конфликтов, то мир дружеской компании, «кружка» представлялся органичным, сердечным, а, главное, ориентировал на совместное творчество, общее дело. Пресняков ценил дружбу и умел дружить, благодаря своим личностным каче-

ствам он естественным образом становился одной из центральных фигур в кружках университетской молодежи 1890-1900-х гг. Он любил и ценил своих друзей, многие из которых сопровождают его в течение всей жизни: А.Я. Полонский, И.И. Лапшин, В.А. Головань, М.А. Полиевктов, С.А. Андрианов. Последний стал и душеприказчиком Преснякова, разбирая его архив вместе с сыновьями и учениками. Дружеские связи, начавшиеся в студенческие годы, переплетались с научными, литературными, педагогическими и общественными. Дружеский "музыкальный" кружок с участием А.Е. Преснякова, сложившийся вокруг профессора Г.В. Форстена, соединял научную, благотворительную и художественную формы деятельности. Собираясь, "форстенята" разыгрывали новинки серьезной музыки, опекали и финансировали (на благотворительные сборы) несколько церковно-приходских школ в Новгородской губернии. До конца дней "форстенята" помогали тяжело заболевшему и одинокому Форстену. Кружки не отделялись друг от друга, а взаимодействовали. В марте 1895 г. Пресняков сообщает матери: "Форстеновская и платоновская молодежь вдруг сбилась в сплоченный кружок, который шагу не делает врозь, и в глазах старших, как одно целое. Это весьма неожиданная и любопытная штука. Для меня эта компания лучшее средство отдыха и рассеяния. Все мы — одной школы, более или менее одного склада, отношения простые, настроение беззаботное, пока мы вместе, круг интересов серьезный, тон симпатичный для меня"²⁰. Кружок "форстенят" оформился осенью 1894 г. В этом кружке почти неизменном по составу (10-12 человек), не только проходили «музыкальные досуги», но и формировались философские, общетеоретические представления Преснякова, систематизировался опыт преподавания, поскольку многие из «кружковцев» были коллегами по работе в средних учебных заведениях: гимназии кн. Оболенской, руководимый Г.В. Форстеном, педагогических курсах при Петербургских женских гимназиях, впоследствии преобразованных в Женский педагогический институт. Между «форстенятами» укореняются традиции взаимопомощи, профессиональной и человеческой.

Пресняков видит ценность "кружка" не в самой дружбе и «приятном времяпрепровождении», а в возможности гармонично соединить личные отношения и профессиональные и общественные занятия («общее дело»). В его письмах первой половины 1890-х гг. звучит острое желание заявить о «кружке» как о группе «новых ученых», стремящихся «освежить», «реформировать» университетскую науку. Постепенное угасание «кружка», от которого не осталось собственной творческой летописи, поскольку он не являлся научным объединением, не стало абсолютной потерей для его членов. Однако кружок «форстенят» не был забыт как явление научного быта, его место закреплено в научных биографиях многих его участников, в историографическом предании. Признано, что применительно к сообществу историков конца XIX – начала XX в. воспроизводство кружковых отношений стало фактором, не только стимулирующим развитие науки, но и влияющим на облик и социальную миссию самого научного сообщества²¹.

В биографии Преснякова это был не один кружок, а несколько сообществ (по крайней мере, три, если не считать складывавшегося уже в 1910-х гг. кружка

²⁰ Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники... С. 177.

²¹ Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт "русской исторической школы". Казань, 2000; Свешников А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск, 2010. 408 с.

его собственных учеников): кружок «русских историков» Платонова, сохранивший свое значение до конца 1890-х гг., кружок А.С. Лаппо-Данилевского и И.М. Гревса, сложившийся в середине 1890-х гг., благодаря интересу к философии, методологии истории и методике ее преподавания (последнее в большей степени отличало И.М. Гревса, но сближало обоих историков их явное противостояние «большинству» факультета). Именно в этом кружке родилась идея воссоздания университетского студенческого научного общества. Собрания И. М. Гревса и А. С. Лаппо-Данилевского, направленные на методологическое обновление науки и преподавания, были близки кружку учеников и приятелей Г.В. Форстена.

С 1907-1908 учебного года в собственном университетском семинарии Преснякова складывается кружок новой формации, объединивший уже его собственных учеников, к которому принадлежали Б.А. Романов, П.Г. Любомиров, С.Н. Чернов, Н.Ф. Лавров, С.Н. Валк. В начале 1920-х гг. среди представителей второго поколения учеников Преснякова, оканчивавшего университет уже в годы революции и гражданской войны, сложится свой кружок, во многом повторяющий рамки собраний «форстенят» и дух неформальных «сред» Платонова. Характерно, что и Платонов, и Пресняков будут приглашены научной молодежью в свои собрания и даже несколько раз побывают на них²². С этим кружком научной молодежи 1920-х годов Преснякова (как и других профессоров) очевидно связывали не только профессионально-научные, но и личные отношения. Реконструируя связи Преснякова, можно говорить о постоянном воспроизводстве кружковых отношений внутри научного сообщества, в меняющейся обстановке, при различном составе участников таких "кружков".

Есть мнение, что, погруженный с первых семестров в академические отношения, в свои студенческие годы и в годы преподавания А.Е. Пресняков был равнодушен к студенческому движению за академические свободы и негативно относился к политизации студенчества. Эту мысль опровергает хроникально подробное и сочувственное (хотя несколько ироническое) описание волнений 1899 г., из которого можно заключить, что Пресняков хоть и не присутствовал при разгоне студенческой демонстрации, но переживал за судьбу университета и опасался карательных мер²³.

А.Е. Пресняков – человек, склонный к постоянному поиску, отличавшийся научным максимализмом, что вообще свойственно представителям позитивистского этапа развития исторической науки. Непросто складываются и его отношения и с профессорами, у которых он учился в университете. Трудно определить, кто из его учителей оказал на него наибольшее влияние, он и сам не раз задавался таким вопросом. Очевидно, что желание и способность учиться у разных людей – это производная от умственной широты и осознанной потребности в расширении своих возможностей. Не всегда однако формальное признание в “ученичестве” доказывается в творчестве. В случае Преснякова правомерно говорить о разностороннем влиянии на него представителей нескольких научных направлений, и уже потому – о синтетичности его собственного научного метода и широте интересов. В размышлениях об учителях, своих предшественниках и коллегах, которым историк посвятил не один биографический очерк, в том чис-

²² См.: Штакельберг Н.С. «Кружок молодых историков» и «Академическое дело» / Публ. Б.В. Ананьича // In memoiam: Ист. сборник памяти Ф.Ф. Перченка. М., 1995. С. 35.

²³ Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники... С. 288-290.

ле в горестном жанре некролога²⁴, постепенно сложились его наблюдения об особенностях петербургской исторической школы.

Безусловно, наиболее долговременными отношениями ученичества было его общение с С.Ф. Платоновым, хотя оно никогда не было равным. В зрелые годы они иногда надолго отдалялись друг от друга, потом вновь сближались. В студенческие годы Платонов как руководитель помогал Преснякову с доступом в московские архивы, вводил в научную среду, знакомил с авторитетами, покровительствовал. Он вовлек Преснякова в число преподавателей Женского Педагогического института и Высших Женских (Бестужевских) курсов, где занимал позиции ведущего профессора. Именно под руководством Платонова Пресняков учился интерпретации источников по древней Руси, в том числе летописных сводов. Блестящее знание и понимание летописного материала он углубил под влиянием А.А. Шахматова. Все это позволило Преснякову создать труды, во многом по-новому трактующие и историко-юридическую, и социально-политическую историю русского Средневековья.

С точки зрения реализации карьерных стратегий в судьбе Преснякова Платонов играл особую роль, выступая в роли отца-утешителя, покровителя, научного менеджера, а также посредника в отношениях историка с великосветским Петербургом (Пресняков по его протекции преподавал историю сыновьям вел. кн. Константина Константиновича Гавриилу и Иоанну). Наконец, Платонов ввел его в свой семейно-дружеский круг, сделав участником платоновских сред, причем одним из ближайших, с которым доверительно, иногда за ужином обсуждались научные планы и академические отношения. Тем не менее, Пресняков в годы магистранства не раз сетовал на недостаток научной составляющей в разговорах с Платоновым²⁵. Этот недостаток он компенсировал плодотворным общением с другими учеными факультета. В сентябре 1893 г. он пишет: "Мои знакомства расширяются: вчера я был на лекции (по истории XVIII в.) у Лаппо-Данилевского, а после лекции он подождет меня в коридоре и позвал сегодня обедать. Это очень мило с его стороны и я рад, потому что дорожу им – он большая умница, с разносторонней ученостью и с философским складом ума"²⁶. Известно, что в последний год студенчества Пресняков посещал лекции Лаппо-Данилевского одним из немногих.

Но Пресняков даже в студенческие годы не замыкался в источниковедческих исследованиях позднего летописания. Ему хотелось заниматься историко-философскими, методологическими проблемами отечественной и всеобщей истории, компаративистикой. Эта увлеченность и способность соединять несколько научных горизонтов влекла его к Г.В. Форстену, специалисту по истории балтийского вопроса. С полным основанием среди своих учителей Пресняков называл также В.Г. Васильевского. Определенное влияние на Преснякова оказали лекции историка русского права В.И. Сергеевича. Таким образом, мы можем говорить о разностороннем влиянии на него представителей нескольких научных

²⁴ Цамутали А.Н., Жуковская Т.Н. Александр Евгеньевич Пресняков и его наследие... С. 12-13

²⁵ См.: Жуковская Т.Н. Платонов и А.Е. Пресняков: история взаимоотношений // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, С.О. Шмидт. СПб., 2011. С. 424-430.

²⁶ Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники... С. 112.

направлений, и уже потому – о синтетичности его собственного научного метода и широте интересов.

А.Е. Пресняков проявил незаурядную способность учиться у многих, точнее, впитывать то лучшее, что мог дать ему тот или другой из старших коллег. Он часто отмечает научное новаторство и заслуги людей одного с ним поколения и разнообразных научных ориентаций (И.М. Гревса, Н.П. Павлова-Сильванского, философа И.И.Лапшина, которого Пресняков однажды назвал своим “Мефистофелем, соблазняющим ...на философию”²⁷)

К середине 1900-х гг., когда Пресняков достиг возраста научной зрелости, окончились его колебания между изучением русского летописания и властно-правовых отношений в Древней Руси, упрочилось материальное положение семьи. В это время историко-филологический факультет оказался в совершенно новых условиях. С 1906 г. разворачивается университетская реформа, связанная с переходом от предметной системы обучения к курсовой, либерализацией режима преподавания, многократным увеличением числа профессоров после введения института приват-доцентуры и системы гонораров.

Особенность научной деятельности Преснякова – постоянное сочетание преподавательской и исследовательской работы. Из его писем и дневников видно, как много времени и сил он тратил на преподавательскую деятельность в разных ее формах, будь то занятия в гимназии, частные уроки, семинары и лекции в Женском педагогическом институте и в Петербургском университете. Преподавательская работа, казалось бы, мешала Преснякову, как исследователю. Однако, быть может, именно благодаря тому что в учебной аудитории историк постоянно шлифовал методы анализа источников и оттачивал точность формулировок, его книги отличались совершенством источниковедческого анализа, прозрачностью языка и убедительностью выводов.

Большой труд, над которым долго работал Пресняков, а затем представил его к защите в качестве докторской диссертации, был назван «Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII – XV столетий». Этот труд носил отчетливую критическую направленность, в чем видится отражение уроков “критической школы” Лаппо-Данилевского и новой культуры работы с источниками. Это подчеркнул А.Е. Пресняков в речи, которую произнес перед защитой диссертации.

Карьера А.Е. Преснякова в советские годы, казалось бы, резко пошла в гору, особенно это понятно на фоне вытеснения из университета многих его старших коллег. В 1918 г., вскоре после защиты диссертации А.Е. Пресняков стал профессором Петроградского университета. 4 декабря 1920 г. он избирается членом-корреспондентом Российской Академии наук. Он также читает лекции и исполняет обязанности декана в Петроградском археологическом институте, преподает в Педагогическом институте им. А.И. Герцена, а с 1927 г. и в Институте красной профессуры. Он деятельный участник грандиозной и трудоемкой работы по налаживанию архивного дела, участвует в организации и деятельности двух научных институтов, объединивших в то время силы ленинградских историков – Научно-исследовательского исторического института при Петроградском университете (1921-1923) и Ленинградского отделения Института истории РАН ИОН (1926-1928).

²⁷ Там же. С. 139.

В сентябре 1929 г. смертельная болезнь прервала академическую карьеру А.Е. Преснякова на ее взлете. С другой стороны, она, вероятнее всего, избавила его от шельмования, а возможно, и осуждения в связи с "академическим делом", развернувшимся всего несколькими месяцами спустя. Посмертная репутация Преснякова осталась безупречной даже для борцов за чистоту марксистской историографии и пережила идеологические трансформации последних десятилетий XX в. Портрет Александра Евгеньевича Преснякова долгое время украшал кафедру русской истории с древнейших времен, которую он возглавил в 1928 г., к сожалению, ненадолго. Однако память университетского сообщества избирательна и несовершенна. Ленинградский университет по распоряжению ректора М.В. Серебрякова, взял на себя организацию похорон историка, поскольку у семьи не было на это денег. Гражданская панихида прошла в Актовом зале университета. Могила А.Е. Преснякова на Никольском кладбище Александроневской лавры, с памятником работы М.Г. Манизера, не стала местом факультетских коммемораций, как и его юбилейные даты, проходящие незамеченными. Из коллективной памяти сообщества университетских историков вытеснен образ "кадетствующего либерала"-Преснякова, Преснякова-полонофила, яркого художественного критика, меломана, ценителя живописи, широкой души человека. Опубликованное научное и эпистолярное наследие историка, рассмотренное в единстве, отражает и эти грани его личности. Надо только внимательно его читать. Неопубликованная часть его переписки, как и неопубликованные блестящие лекции А.Е. Преснякова, прочитанные в разных аудиториях, еще ждут своего издателя.

Источники и литература

1. Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники (1889–1927) / Подг. текста, коммент. Т.Н. Жуковской, Б.С. Кагановича, Д.Н. Лепина. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 968 с.
2. Брачев В.С. А.Е. Пресняков и петербургская историческая школа. СПб.: Астерион, 2011. 239 с.
3. Гревс И.М. Василий Григорьевич Васильевский как учитель науки. СПб., 1899. 52 с.
4. Гревс И.М. В годы юности. За культуру // Былое. 1918. №12. С. 53–86.
5. Дворниченко А.Ю. А.Е. Пресняков – исследователь Киевской Руси // Исследования по истории средневековой Руси. К 80-летию Ю.Г. Алексева. М.; СПб., 2006. С. 35–46.
6. Жуковская Т.Н. А.Е. Пресняков – декабриствед // Третьи Мартовские чтения памяти С.Б. Окуня в Михайловском замке. Материалы науч. конф. СПб.: Контрфорс, 1997. С. 81–87.
7. Жуковская Т.Н. А.Е. Пресняков и марксизм: опыт историографической демифологизации // Россия в XIX–XX вв. Сб. ст. к 70-летию Р.Ш. Ганелина. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 28–40.
8. Жуковская Т.Н. Париж Александра Преснякова // Клио. Журнал для ученых. 2016. № 8. С. 84–94.
9. Жуковская Т.Н. Платонов и А.Е. Пресняков: история взаимоотношений // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко С.О. Шмидт. СПб., 2011. С. 424–430.

10. Жуковская Т.Н. Смысл творчества и «жизненный мир»: случай А.Е. Преснякова // Культура исторической памяти. Материалы науч. конф. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002. С. 132–162.
11. Корзун В.П. Профессор в Российской империи: изменение статусов и функций (историографический аспект) // Азиатская Россия: люди и структуры империи. Сб науч. трудов памяти А.В. Ремнева. Омск: ОмГУ, 2016. С. 378–390.
12. Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт “русской исторической школы”. Казань, 2000. 296 с.
13. Пресняков А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922.
14. Пресняков А.Е. Речь перед защитой диссертации под заглавием "Образование Великорусского государства" // Летопись занятий Археографической комиссии. Пг., 1920. С. 3–12.
15. Переписка А.Е. Преснякова с друзьями 1890-1899 / Подг. текста, вступ. ст., коммент. Т.Н. Жуковской // Мир историка: историографический сборник / Ред. В.П. Корзун, А.В. Якуб. Вып. 3. Омск, 2007. С. 376–438.
16. Пресняков А.Е. Обзоры пережитого // Дела и дни. Кн. 1. Пг., 1920. С. 346–353.
17. Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть. М.: РОССПЭН, 2017. 903 с.
18. Свердлов М.Б. А.Е. Пресняков (1870–1929). Жизнь и творчество // Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 506–554.
19. Свердлов М.Б. Проблемы изучения Древней Руси в творчестве А.Е. Преснякова // Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 555–586.
20. Свешников А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск: Изд. ОмГУ. 2010. 408 с.
21. Фрумкина Р. «Входите тесными вратами» // Сквозь асфальт: Эссе и статьи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 36–40.
22. Цамутали А.Н., Жуковская Т.Н. Александр Евгеньевич Пресняков и его наследие // Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники (1889–1927). СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 3–23.
23. Чирков С.В. Александр Евгеньевич Пресняков // Историки России XVIII – начало XX века / Под ред. А.Н. Сахарова М., 1996. С. 533–556.
24. Шапиро А.Л. Русская историография периода империализма. Л., 1962. 235 с.
25. Штакельберг Н.С. «Кружок молодых историков» и «Академическое дело» / Публ. Б.В. Ананьича // In memoriam: Ист. сборник памяти Ф.Ф. Перченка. М., 1995. С. 19–86.